

КОГДА РОЖДАЕТСЯ КСЕНОФОБИЯ, ИЛИ ОДИН НА ОДИН С КОЛЛЕКТИВОМ

Многие говорят, что в нас изначально заложена ненависть к чужакам, «белым воронам», людям иной расы или веры. Стоит ли соглашаться с этим расхожим мнением? Не лучше ли прибегнуть к анализу этого феномена, который может угрожать всякому, кто выйдет за пределы привычного круга понятий?

Александр Волков

В минувшем веке жизнь на Земле цивилизовалась. В какую бы страну мы ни приехали, всюду лежит отсвет европейской культуры. Лишь в самых глухих уголках планеты можно встретить людей, живущих в каменном веке. Кажется, что за минувшие десять тысяч лет в их образе жизни не произошло почти никаких перемен. Вот один из примеров: в 1975 году в одной из уединённых долин на острове Новая Гвинея было найдено неизвестное прежде племя «эйпо» (eipo). Его члены жили в хижинах, крытых соломой, обрабатывали древесину с помощью каменных топоров, чистили овощи сланцевыми ножами, охотились на зверей и птиц с помощью лука и стрел. Вблизи от деревни учёные соорудили небольшую взлётную полосу. Здесь и приземлилась их «Цесна» — небольшой лёгкий самолёт. Отсюда повели наблюдение за жизнью племени.

Я узнал, как вредоносен я понятию коллектива, как пусты мои помыслы тайного размягчения этой несокрушимой тверди.

Как-то раз учёные предложили своим «подопечным» прокатиться на самолёте. После некоторого замешательства несколько мужчин согласились на поездку, но при условии, что дверцы машины будут сняты. «Так будет лучше видно», — пояснили смельчаки. Они вышли из укрытия, когда самолёт был готов к взлёту. В руках они держали крупные камни. Для чего нужны были эти булыжники? До сих пор дикари не знали даже, что такое металл, — умолчим уж о самолётах. Теперь же у них появилась возможность подняться в воздух. И они её явно хотели использовать!

«Мы захватили с собой камни, — объясняли туземцы, — потому что полетим над долиной Фа, где живут наши враги. Мы сбросим камни прямо на них!» Вот это да! Впервые увидев чудо из чудес — «летающую гору», — они сразу сообразили, как использовать её, чтобы перебить своих врагов. Желание убить «чужака» оказалось в них сильнее естественного любопытства к новому и необычному.

Живые мишени этнографии

Вероятно, ненависть к «другим» стара как мир. Даже мы, люди вроде бы цивилизованные, по отношению к другим людям часто ведём себя, как люди племени эйпо. «Бросить во врага камень» — как это сродни нашим чувствам и мыслям! Люди пропитаны ненавистью, и она очень часто, без видимых причин, обрушивается на тех, кто кажется хоть в чём-то непохожим на других — на «чужаков».

Правые радикалы в Германии избивают до смерти вьетнамцев. «Скины» в Москве расправляются с узбеками и неграми. Аргентинцы третируют метисов из Перу. Французские националисты считают виновниками всех бед у себя в стране «этих грязных арабов». Ангольские негры за что-то ненавидят негров из Заира. Индусы ополчились на пакистанцев, японцы — на корейцев, а литовцы «среди преданий старины глубокой» хранят ксенофобскую поговорку: «Чужим духом (русским, польским, еврейским? — А.В.) всегда воняет».

А сколько ненависти вызывали во все времена цыгане, эти заблудшие души, шумливые кочевники, неприкаянные гости то Молдавии, то Моравии, то Баварии! «Это бродяги по природе, по крови... Их песни лишены мужественности, а идеи разрушительны. Они воруют детей. Они проникают всюду» — так поносил цыган один из героев Евгения Шварца. И его мнение было недалеко от расхожих истин, которые все последние века витали в обществе. Особенно строго относились к цыганам в Чехии и Германии. В старинных немецких законах их именовали «безбожными, суеверными, коварными» злодеями, ни на что не годным сбродом». Уже в XVII веке им запрещают въезд в Германию, а на тот случай, если цыгане всё же проникнут в страну, велено «всех мужланов и их бабёнок старше двадцати пяти лет бичевать и прогонять из страны». Так говорится в Уложении, появившемся в 1697 году. В некоторых немецких княжествах закон позволял вешать любого задержанного цыгана. Лишь в XVIII веке в отдельных странах к цыганам стали относиться терпимее. Впрочем, в годы Второй мировой войны на территориях, оккупированных гитлеровцами, цыган уничтожали наряду с евреями.

Первый опыт: страх на лице

Откуда же происходит ненависть к «чужакам», обуревавшая души людей с незапамятных времён? Быть может, мы имеем

дело с некой биологической подоплёкой, заставляющей одну общность людей ополчаться на любую другую? Не кроются ли истоки ксенофобии в наших генах?

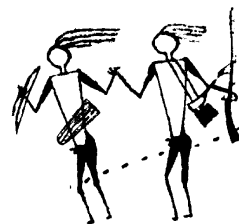
Можно, конечно, ограничиться словом: «Нет!» Достаточно указать на любого человека, который с приятностью относится к «чужакам». Если его гены не вызывают к ненависти, значит, гены вообще не вызывают к ненависти. Но такой ответ не решает проблемы.

В принципе генетики выявили пример врождённой неприязни к «вообще чужому». В полугодовалом возрасте младенцы начинают дичиться посторонних. Раньше они неизменно улыбались им; теперь, лёжа в кроватке, отворачиваются от незнакомых персон. Малыши плачут, ища утешение в объятиях матери.

Опыт показывает, что такая негативная реакция никак не объясняется внешними причинами. У малышей обычно нет ещё дурного опыта общения с другими людьми. Порой у них вовсе нет опыта общения. Страх и неприязнь автоматически вызывают в них лица, которые они видят. Мужские лица опаснее женских, бородатые — бритых, взрослые — детских. Кроме того, если ребёнок мало общается с матерью, то он неминуемо испытывает сильный страх, особенно перед чужими.

«Вообще же страх перед посторонними людьми лишь укрепляет связь ребёнка с матерью, что жизненно важно, — поясняет этолог И.Эйбл-Эйбесфельдт, — ведь человеческий детёныш не способен выжить без помощи родителей или близких». Ребёнок с первых дней учится различать мать и постороннего человека. Затаённый страх перед посторонними мешает ему громко плакать и кричать.

Позднее малыш начинает интересоваться окружающим его миром. Уютно прильнув к руке матери, он поглядывает на людей, обступивших её, чтобы тотчас отшатнуться, если посторонние вздумают погладить его. Так, настроение ребёнка постоянно колеблется между страхом и восторгом. На многих детских лицах отчётливо видны эти колебания.

МИЛЫЕ ТАИТЯНЕ НЕ ЖДУТ НИЧЕГО ОТ НАС

Что же происходит с этим смятенным младенцем, когда он взрослеет? Возможно, в глубине души, сам того не сознавая, он всё так же пугается незнакомых людей, только это чувство усиливается и грубеет; страх превращается в ненависть. Может быть, в основе этой спонтанной реакции лежит некий биологический инстинкт, заставляющий человека отстаивать свой род, свой народ, свою расу — всех, кто так или иначе не относится к посторонним? Симпатизировать своим, но яростно и справедливо ненавидеть чужих? Неужели, как писал один немецкий праворадикальный публицист, «в нас изначально заложено стремление подавлять и эксплуатировать чужих, использовать их как рабочую силу и даже всецело распоряжаться гениталиями их женщин»? Неужели вся эта жестокость имеет свою биологическую подоплёку?

Нет, авторы подобных псевдонаучных заявлений, всё чаще попадающих на страницы прессы, говорят глупости. В человеке нет врождённой ненависти к чужой расе — хотя бы потому, что нет чёткого разделения людей на расы. Генетические исследования давно показали, что различия между «чёрным» и «белым» человеком в чём-то даже менее выражены, чем генетические вариации внутри белой или чёрной расы. Возможно, с определённой генетической точки зрения, любой из нас больше похож на какого-нибудь туземца из Верхней Вольты или Нигера, чем на соседа по лестничной площадке!

Против «врождённой ненависти» к людям «другой породы» говорит и такой факт: внезапно ненависть может угасать и переноситься на другие объекты, то бишь народы. Любопытны, например, взаимоотношения между немцами и французами. Немецкий историк Вильгельм Тройе в своей работе «История повседневной культуры» писал, что Франция, начиная с эпохи Ришелье, стала «образцом для всей Германии, образцом для бесчисленных мелких и мельчайших княжеских дворов Германии, кото-

рые ревностно подражали блеску французской роскоши и мотовства». Со времени наполеоновских походов отношения резко меняются. Франция и Германия становятся «заключеными врагами». Лишь после трёх кровавых войн соседи успокоились; между ними вновь воцарился добрый порядок. Сегодня в Германии ненавидят совсем других людей: турок, негров, вьетнамцев, поляков. Для многих, как и в былые мрачные времена, невыносимы евреи, бродяги, умалишённые. Есть те, кто активно ненавидит панков и прочий «молодёжный сброд».

Как видите, ненависть в первую очередь обращена на «тех, кто совсем не похож на меня». Именно с этой негативной реакции начинается «наше счастливое детство». Лишь по случайности и в силу исторической традиции это естественное чувство превращается в ненависть к каким-то конкретным группам людей. Трудно ненавидеть таитян, потому что они никогда не попадают на глаза, но легко ненавидеть чеченцев, потому что они всё время на виду: в выпусках новостей и на соседних улицах.

Я, ты, он, она — ДРУЖНОЕ ПЛЕМЯ НЕНАВИСТНИКОВ

На протяжении почти всей своей истории люди жили небольшими группами. Полтора миллиона лет назад племена *Homo erectus* бродили по саванне; такими же небольшими племенами — от тридцати до ста человек — бродят по сей день люди, живущие в каменном веке, будь то в джунглях Бразилии или на Новой Гвинее. Они селятся в маленькой деревне или кочуют по округе. Каждый знаком друг с другом; жизнь каждого зависит от усилий остальных членов группы. Можно сказать и так: племя выживет, если только каждый будет бороться изо всех сил.

Итак, для выживания племени важны его сплочённость, а также предсказуемость действий любого из соплеменников. Посторонних — маргиналов, аутсайдеров, пришельцев — не терпят. Их действия непонятны; их поведение неожиданно; на них нельзя положиться. Поэтому любой, кто начинает вести себя наперекор остальным,

встречает более или менее резкий отпор; его понуждают быть, как все. Говоря современным языком, он подвергается психологическому прессингу.

Для начала его высмеивают; над ним трюнят. Пусть это делается по-дружески, безобидно — всё равно высмеянный всеми человек чувствует явную агрессию, направленную на него. Пока у него ещё есть возможность исправиться, стать таким же, как все; слиться с коллективом. «Если гвоздь выпирает, — говорит японская поговорка, — его забивают до конца».

Если эксцентрик никак не вникает в нормы, начинается вторая стадия подавления коллективом личной свободы: над этим человеком издеваются. Его передразнивают, досадуя и обижаясь на него; насмешка переходит в безжалостное высмеивание. Если мы перенесёмся в современность и поглядим на «племя младое, незнакомое», разгуливающее не по джунглям Амазонии, а по коридору любой школы, то там найдутся два сорта маргиналов: «ботаники», которые вечно стремятся стать лучше, чем остальные, и «тупицы», «рохли», которые от всех отстают, ничего не умеют, путаются у всех под ногами. Каждый из них — объект насмешек своих товарищей.

Такая мера — «снисходительный остракизм» — часто приносит плоды. Человек, со всех сторон получающий тычки и плевки, пугается, смиряется, стихает — особенно характерно такое поведение именно для школ, для любых детских коллективов. Дети больше всего боятся, что их осудят сверстники. Это чувство у них развито сильнее, чем страх смерти или боязнь потерять родителей. Такой неожиданный вывод сделал психолог Каореу (Каогеу) Ямамото из Колорадского университета, наблюдавший за детьми девяти-четырнадцати лет, принадлежащими к самым разным культурам.

Если и это не помогает, все начинают сторониться своего оригинала. Его презирают, ему не приходят на помощь. Он становится сущим аутсайдером, одиночкой. Его присутствие ещё терпят в племени или в коллективе, но держатся от него подальше.

Наконец, может произойти худшее. «Душа моя распухла от горечи, я весь от горечи распухал, щемило слева от сердца, справа от сердца тоже щемило. Все мои ближние меня оставили» (Вен. Ерофеев). Ослушника преследуют и изгоняют из коллектива. В глубокой древности такая кара фактически была отложенным смертным приговором. Прожить в одиночку, борясь с враждебными стихиями и дикими зверями, было нельзя. Человек погибал в когтях хищника, замерзал или умирал от голода, не в силах помочь себе. Одна из лучших исландских саг — «Сага о Греттире» — посвящена удивительному герою: он был прогнан всеми и в одиночестве, скитаясь по пустошам и дебрям, ютясь в самых неприятных и пустынных углах Исландии, прожил девятнадцать лет. Для того времени это была история беспримерной робинзонады. И был Греттир «самым мудрым», сказано в этой саге, «потому что он дольше всех прожил в изгнании».

Наоборот, те, кто смиряется и привыкает жить в коллективе, проникаются сильным чувством единения. Исследования психологов показывают, что члены коллектива (племени, группы, стаи) невольно окрашивают весь мир в чёрно-белый цвет, причём обеляют фигуры соплеменников и чернят всех посторонних, любят своих и ненавидят чужаков.

Если снова вспомнить «племя младое», — а в детских коллективах, как нигде, ярко выражены древнейшие племенные чувства, — то мы увидим, что для школьников «в моём классе, в моём дворе, на моей улице, в моём посёлке» живут хорошие ребята, а вот эти гаврики «из параллельного класса, соседнего двора и т.д.» давно на что-то напрашиваются и вообще пора бы им «настучать по фейсу».

Любопытно, но такой же результат психологи неизменно получали в следующем опыте: всех собравшихся прямо у них на глазах делили на две группы. Очень быстро члены этих групп убеждались, что свои — «самые хорошие», а чужие «ничего не умеют, ни на что не годятся и вообще все они противные».

Подобные опыты убеждают, что главная причина ненависти к чужакам, инакомыслящим и т.п. кроется вовсе не в том, что соперников надо «подавлять». Нет, эта манифестация силы и ненависти устраивается единственно лишь для того, чтобы сплотить свою собственную группу! «Поскольку масса всегда боится распада, — писал Элиас Канетти, автор книги «Масса и власть», — её можно направить к какой-то цели». Чтобы соплеменники не разбежались и не разбрелись, следовало приучить их ненавидеть одно и то же. Ненависть сплачивает общество гораздо крепче любви, кого бы ни принимались ненавидеть: евреев, буржуев или коррупционеров.

Людям каменного века чаще всего было далеко до таких грубых системных дефиниций. Их ненависть была обращена на людей из соседних племён, которые обычно были очень похожи на них. Поэтому подмечались малейшие различия между «нами» и «ими». Любое несходство во внешнем виде, верованиях, языке крайне преувеличивалось, но самым неподдельным «паспортом» становился акцент. Известно, что после полового созревания мало кто может научиться говорить без акцента на иностранном языке или хотя бы на диалекте своего родного языка. Стоит человеку, оказавшись вдали от родимых мест, открыть рот и произнести несколько слов, как в нём безошибочно распознают чужака, приезжего, пришлого. Ату его!

Послушные солдаты пропаганды

Когда-то третируемые маргиналов и инородцев шло остальному обществу на пользу, превращало рыхлую массу людей в некое подобие кулака, готового нанести разительный удар. Сегодня трения и конфликты между людьми лишь затрудняют развитие общества, крайне осложняют жизнь. Мы живём в настоящем Вавилоне: вокруг нас люди, говорящие на самых разных языках — от китайского до арабского, люди, которые верят во что угодно и выглядят не поймёшь как. Вместо одного монолитного племени мы стали членами мно-

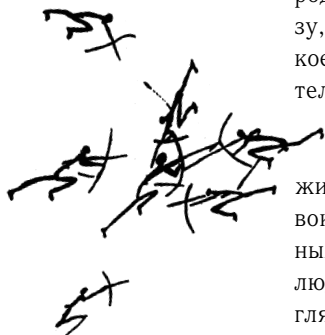
жества аморфных, быстро меняющихся коллективов, чьи интересы мы даже не всегда готовы отстаивать: мы — сотрудники фирмы, члены семьи, сторонники партии, поклонники «Спартака», жители города, патриоты страны. Наши чувства перемешаны и переплетены, но всякий раз, ощущая себя частицей того или иного коллектива, мы замечаем, как откуда-то из глубины души всплывают тёмные, мрачные чувства — ненависть к посторонним: «Они работают в конкурирующей фирме! Они болеют за «Динамо»! Они — приезжие из Молдовы! Они неприятны нам».

Острота неприязни зависит от нашего воспитания — и опять же от монолитности коллектива. Исследования, проведённые в Германии, показали, что иностранцев ненавидят больше всего там, где их меньше всего живёт. В бывшей ГДР, где иностранцев всего два процента, ксенофобия заметно резче выражена, чем на западе Германии, где десять процентов населения не принадлежит к нордической расе. То же самое наблюдается во Франции. «Больше всего представителей национальных меньшинств боятся те, кто никогда с ними не общался», — отмечает немецкий социолог Ульрих Вагнер.

А вот для тех, кто по роду занятий постоянно общается с инородцами, зачастую характерно иное поведение: ксенофилия, приязнь к иностранцам. Они чувствуют себя в их обществе особенно легко и уютно. Причина такого поведения кроется в особой природе человеческого страха.

Проявления страха очень разнолики. Поначалу страх смешан с любопытством, потом переходит в неподдельный ужас. Так, дети, слегка испугавшись, тут же начинают интересоваться тем, что их напугало. Пока страх слаб, источник его притягателен; если страх велик — отвратителен. Взрослые, вдоволь переживев инородцев, чаще всего устают бояться их; их страх слабеет; он уступает место любопытству — порой совершенно детскому.

Ино-родное влечёт, пока остаётся чужеродным. В нём есть прелесть экзотики. Однако вкусы многих людей всё-таки не на-

столько утончены, чтобы ценить экзотичное и восхищаться им. Для этих людей ксенофобия — естественное проявление вкуса, как и любовь ко всему банальному и стандартному. Обратимся ещё раз к итогам большого статистического исследования, проведённого в Германии. Тридцать процентов немцев настроены нетерпимо ко всем чужеродным типам. Больше всего ксенофобов среди рабочих, не имеющих специального образования. У них нет особых перспектив в жизни, тем отвратительнее им и тем страшнее для них, когда «какие-то турки или поляки» играючи добиваются успеха, переходят дорогу — и кому? Коренным немцам (русским, французам, украинцам)!

Неприязненные чувства часто бывают стадными. Это только любовь редка и избирательна. Ненависть же растекается как византийский огонь. Когда толпу начинают науськивать на инородцев, отдельные люди, как бы они ни относились к Абраму или Ахмеду, постепенно поддаются общему чувству и прилюдно стараются скрыть своё особое мнение. Это наглядно показал эксперимент, проведённый в Мангеймском университете. Три четверти его участников более или менее легко усваивали настроение толпы и проникались общей ненавистью. Мнение большинства было для них главнее своего скромного рассудка. Не раздумывая, они всё принимали на веру.

Зная итоги этого эксперимента, легко догадаться, что — самое меньшее — три четверти телезрителей, радиослушателей или читателей газет охотно поверят в то, в чём их убеждают. Это — готовый человеческий материал для манипуляций. Они всегда составят агрессивное большинство, если их к этому подтолкнуть. Особенно же легко с помощью средств массовой информации внушить ненависть к инородцам, ведь мы уже убедились, что мы от рождения остерегаемся незнакомых, непонятных людей.

Кто же эти три четверти людей — послушные солдаты пропаганды? Мы уже убедились, что среди них немало тех, кто имеет очень плохое образование или низкий социальный статус. Обычно они мо-

ментально звереют, стоит им лишь намекнуть, почему они «такие народные» и копают траншеи, а те — такие инородные и не вылезают из ресторана. Много также тех, кто редко общался с инородцами, и потому ненавидит как-то расплывчато и непонятно, сами не зная, за что. Наконец, в обществе немало «социально дезинтегрированных» людей: есть у них вроде бы и образование, и какие-то способности, и желание сделать карьеру, а вот поди ж ты! как сидели лет десять «рядовыми манагерами» в каком-нибудь дрянном филиале, так и сидят без особых перспектив: «Не в этой жизни, господа!» Сидят и тихо ненавидят всех, кто их обскакал, а особенно «людей без роду, без племени». «Когда индивид не получает достойного признания, тогда он отказывает в этом признании другим», — комментирует немецкий психолог Вильгельм Хайтмайер. Путь к насилию над другими открыт, лишь только человек почувствует, что над ним самим совершилось насилие.

Итак, вовсе не гены заставляют нас ненавидеть инородцев. К этому склоняет нас собственная судьба — недополученное образование, ущемлённое самолюбие, утраченные иллюзии. Воспитание чувств совершается, и пестуемая ненависть замыкает круг. Эту скверну легко разжечь; она быстро перекидывается с одного объекта на другой. Куда труднее остановить пожар!

Когда-то немецкие нацисты попробовали превратить ксенофобию в своего рода государственную религию, принеся миллионы жертв идолам её концентрационных капищ. Совсем недавно сербы, хорваты, боснийцы моментально приучились называть друг друга «врагами народа», да еще истреблять в придачу. Очевидно, любая пропаганда, проводимая против какого-либо народа, в перспективе может привести к крови и убийствам. Путь этот тёмный и скользкий. Приучая людей ненавидеть инородцев, вряд ли кто может поручиться, что ему удастся справиться с пожаром, который он же и разжигал. В нашем мире ксенофобия — явно лишнее свойство души. ■

